УДК 81’25
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

В.С. Федченко
Государственный университет просвещения

ЭПИДИГМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМЫ В ПЕРЕВОДАХ НАЗВАНИЯ РАССКАЗА Э. ПО «THE TELL-TALE HEART»

Выявляется специфика интерпретации и трансформации лексемы «сердце» в процессе перевода: универсальный образ обретает статус лингвокультуремы через уникальные эпидигматические связи. В качестве эксперимента осуществляется привлечение нейросети.

Лингвокультурема, художественный перевод, сопоставительный анализ, лингвотрадуктема, межкультурная коммуникация.

Введение

Проблемы художественного перевода остаются актуальными по сей день, несмотря на разработанность методов и классификаций как зарубежными, так и отечественными лингвистами. Особым интересом на современном этапе развития науки представляется художественный дискурс в рамках межкультурной коммуникации и лингвокультурологии. Лингвокультурология прогрессивна благодаря тому, что она является «интегративной областью знания» [5, с. 26].

В данной статье анализируется название рассказа Э. По «The Tell-Tale Heart», подвергающееся лингвокультурной трансформации при переводе на французский и русский языки. Название художественного произведения рассматривается как особая семиотическая единица текста, обладающая высокой степенью смысловой концентрации и выполняющая функцию интерпретационного ключа к произведению. Переводы названия «Le Cœur Révélateur» и «Сердце-обличитель» демонстрируют различные культурные коды, выраженные через лексические системы, влияющие на интерпретацию одной и той же универсалии. Анализ позволяет выделить особенности последующего восприятия произведения представителями разных культур, а также исследуется влияние семантических оттенков названия произведения на целостное восприятие текста. Предлагается обоснование семантических различий, обнаруживаются дифференциальные семы лексемы «сердце», позволяющее употреблять в отношении нее термин лингвокультурема, чья смысловая наполненность и культурный статус формируются через синтагматические связи.

Актуальность исследования обусловлена ключевой ролью названия как семиотически насыщенного элемента, детерминирующего восприятие целого текста, что обостряет необходимость корректного перевода названий в аспекте межкультурной коммуникации. Семантический анализ лексических единиц языков разных групп позволяет выявить образы и способы мышления, формирующие языковую картину мира.

Новизна исследования заключается в комплексном подходе к анализу названия произведения как лингвокультурного маркера. Фокус исследования направлен на выявление механизмов смыслопорождения, где эпидигматические связи конструируют различные культурные образы одной универсалии, таким образом, полагается, что статус лингвокультуремы может быть контекстуально обусловлен, а доместикация как переводческая стратегия представляет собой сознательное или интуитивное создание новых эпидигматических связей актуальных для интеграции в семиотическое пространство языка-реципиента. С целью пополнения «лингвотрадуктемной капсулы» [9, с. 185] и оценки лимитов машинной интерпретации проводится эксперимент с использованием нейросетевой модели.

Целью данного исследования является выявление интерпретации и трансформации лексемы «сердце» как лингвокультуремы в процессе перевода названия рассказа Э. По «The Tell-Tale Heart», а также анализ эпидигматических связей, формирующих различные культурные образы данного концепта в английской, французской и русской лингвокультурах.

В задачи исследования входит анализ семантики исходного названия произведения и выявление его лингвокультурных импликаций, рассмотрение французских и русских вариантов перевода, выявление их дифференциальных сем, сопоставление лингвокультурных образов, внедрение эксперимента с использованием нейросетевой модели генерации перевода.

В работе используются методы сопоставительного и семантического анализа, анализ словарных дефиниций, элементы контекстуального анализа, элементы семиотического подхода к интерпретации культурных кодов, привлечение нейросетевых технологий цифрового моделирования.

Теоретическая значимость заключается в том, что работа дополняет исследования в области лингвокультурологии и переводоведения, демонстрируя, как через единицу названия художественного текста можно вскрыть глубокие культурные различия в интерпретации универсалий.

Практическая ценность обусловлена возможностью использования полученных выводов в преподавании

курсов перевода и межкультурной коммуникации, а также при подготовке переводов художественных текстов, где важна передача культурной символики.

В трех анализируемых названиях наблюдается межъязыковая асимметрия в передаче идеи. Данные различия представляют собой проблему перевода, из которой последовательно обнаруживается проблема адаптации и передачи образа, доступного для перцепции представителя иной культуры. Несомненно, сердце является культурной константой, его образ закреплен в христианской традиции, в восточной культуре, в философии, художественной литературе и в языковом сознании народов. Однако, несмотря на универсальность, образ может обрастать дополнительными уникальными значениями, что особенно проявляется в контексте. Обнаружение специфических черт наиболее успешно во фразеологическом контексте, чему были посвящены многочисленные исследования [1, с. 39; 4, с. 26; 8, с. 239; 10, с. 144].

В контексте названия рассказа Э. По лексема *heart* не только номинирует образ, но и актуализирует культурный пласт. При сопоставлении переводов выявляется сохранение лексемы *heart* в форме существительного – *cœur, сердце*, что соответствует традиционному переводу, в то время как прилагательное *tell-tale* передается различными средствами: во французском переводе – как прилагательное (*révélateur*), а в русском – как существительное в позиции постпозитивного определения (*обличитель*), оформленное через дефис.

Анализ эпидигматических связей оригинального названия

Несмотря на то что ядром названия рассказа выступает существительное *heart*, именно прилагательное *tell-tale* способствует аттракции сем к существительному. Беспрецедентная взаимосвязь с единицей *tell-tale* представляет собой научный интерес в связи с различными интерпретациями переводчиков и, следовательно, различными представлениями о сердце от культуры к культуре. Именно беспрецедентность и отсутствие четко определенного перевода в словарях бросили вызов переводчикам. Неоднозначность названия связана как с многоуровневой семантикой, варьирующейся от бытовой до технической, от эмоционально-оценочной до морально-этической, так и сочетаемостью прилагательного *tell-tale* с рядом существительных, среди которых согласно лексикографической норме отсутствует *heart*: «telltale clock, n.1832, telltale compass, n.183, telltale pipe, n.1859, tell-tale-tit» [26]. Согласно информации, взятой с официального сайта Британской ассоциации антикваров[1], такое регистрирующее устройство, как табельные часы (tell-tale clock), было распространено в XIX веке. В самой реалии заложена ирония – табельные часы называют ябедой, поскольку они отслеживают регулярность выполнения тех или иных действий.

Стилистические приемы с лингвокультурной нагрузкой особенно трудны для перевода без потери смысла. При таком переводе неизбежна деформация идеи, которая в данном исследовании представляет собой особенную лингвокультурологическую ценность, особенно в фокусе «влияния стилистики переводов» [3, с. 56] на читателя иной культуры, что подтверждается словами В.А. Масловой: «Художественный дискурс является динамичным процессом взаимодействия автора и читателя, с одной стороны, и языковыми, социальными и культурными правилами, с другой» [6, с. 11].

Для выявления конкретных активизирующихся культуроносных сем предлагается анализ словарных дефиниций единицы оригинального названия *tell-tale*. Результаты, взятые из современного словаря Word Reference Random House Unabridged Dictionary of American English:

«noun

1. a person who heedlessly or maliciously reveals private or confidential matters; tattler; talebearer.

2. a thing serving to reveal or disclose something.

3. any of various indicating or registering devices, as a time clock.

<...> adjective

that reveals or betrays what is not intended to be known. *a telltale blush.*

giving notice or warning of something, as a mechanical device» [29].

Дополнительно привлекается Longman Dictionary of Contemporary English, ориентированный на описание наиболее употребительных значений, которые сопровождаются стилистическими и прагматическими пометами, отражающими особенности функционирования слова в повседневной коммуникации. В данном источнике акцентируется разговорный и оценочный характер употребления лексемы, акцентируется принадлежность к детскому лексикону:

«telltale noun [countable] a child who tells adults about other children's secrets or bad behaviour – used by children to show disapproval» [24].

Представляется целесообразным обратиться к лексикографическим источникам, отражающим состояние английского языка эпохи создания рассказа Э. По:

«TELL'-TALE, adjective Telling tales; babbling.

TELL'-TALE, noun [tell and tale.] One who officiously communicates information of the private concerns of individuals; one who tells that which prudence should suppress, and which if told, often does mischief among neighbors.

1. A movable piece of ivory or lead on a chamber organ, that gives notice when the wind is exhausted.

2. In seamanship, a small piece of wood, traversing in a groove across the front of the poop deck, and which, by communicating with a small barrel on the axis of the steering wheel, indicates the situation of the helm» [28].

Данная дефиниция демонстрирует, что уже в первой половине XIX века *tell-tale* обладало многозначной семантической структурой: фиксируется значение, связанное с доносом или разглашением чужих тайн, имеющее ярко выраженную оценочную окраску; отражается техническое значение, обозначающее устройство или механизм, сигнализирующий о состоянии системы или фиксирующий определенный показатель.

Сопоставление исторических словарных дефиниций с данными современных лексикографических ис-

[1] British Antique Dealers Associatio.

точников позволяет проследить устойчивость основных семантических компонентов лексемы tell-tale и выявить культурно значимые смысловые акценты, актуализируемые в различных интерпретациях перевода.

Сопоставление дефиниций позволяет реконструировать семантическое поле лексемы: раскрытие (reveals, discloses), информирование (giving notice, showing, to warn, warning, indicator, indicating, to indicate), предательство (tattler, betray), устройство (registering devices, mechanical device).

Наличие сем, связанных с доносом и предательством, свидетельствует о присутствии в структуре значения пейоративного компонента, который в определенных контекстах придает слову оценочную окраску.

Анализ эпидигматических связей в переводе на французский

В современном англо-французском словаре Collins English French Electronic Dictionary лексема *tell-tale* может переводиться как *rapporteur[-euse]* в качестве существительного и *éloquent(e), révélateur[-trice]* в качестве прилагательного:

«tell-tale,telltale[ˈ**tɛlteɪl**]

n rapporteur[-euse] (*m/f*)

adj [*sign*] éloquent(e), révélateur[-trice]» [19].

Однако об относительно недавнем включении данного соответствия свидетельствует информация из англо-французских словарей, разработанных до популярности рассказа Э. Аллана По, таких как «A compendious dictionary of French language» и «The international English and French dictionary». Выход обоих словарей датируется 1880 годом, что на 37 лет позже первой публикации рассказа в журнале Джеймса Расселла Лоуэлла “The Pioneer”, однако на тот момент все еще не произошло закрепления *révélateur* переводческим эквивалентом *tell-tale.* Согласно данным словаря «A compendious dictionary of French language», на французский язык *telltale* может быть переведено: «rapporteur, m., -euse, f. bavard, m., -e, f., (mach.) compteur, m.» [25].

В словаре The international English and French dictionary предлагаются следующие переводы:

«s. m. f. 1 rapporteur, m.

rapporteuse, f.

2 n. machine (compteur),

m. 3 mar. axiomètre, m.

1 qui fait des rapports. 2 qui parle, indiscret. – eyes, des yeux indiscrets» [27].

Как очевидно, словари конца XIX века не предлагают *révélateur* в качестве переводного эквивалента в отличие от словарей XXI века.

Также интерес вызывают дефиниции *révélateur* в Dictionnaire de l'Académie française 6e édition – 8e édition преимущественно в значении того, кто раскрывает заговор: «Celui, celle qui fait la révélation d’un complot politique, ou de quelque association criminelle» [20].

«Celui, celle qui fait la révélation d’un complot politique, de quelque association criminelle, de quelque affaire secrète <...> En termes de Photographie, il se dit d’un Bain chimique où l’on trempe le cliché pour faire apparaître l’image encore invisible. <…> Révélateur s’emploie adjectivement et signifie Qui révèle quelque chose» [21].

В новейшем 9-м издании происходит расширение значений: слово приобретает дополнительные смыслы, фиксируется в том числе и как прилагательное:

«I. Nom. 1. Celui, celle qui fait connaître ce qui était secret, caché. S’emploie surtout aujourd’hui à propos de croyances, de connaissances d’ordre divin ou surnaturel. **2.** Marque de domaine :photographie. Substance chimique, généralement en solution, qui rend visible l’image latente enregistrée sur une plaque, une pellicule, etc. Adjectivement.

II. Adjectif. Qui dévoile, rend manifeste ce que l’on ignorait ou connaissait mal ; qui illustre parfaitement une chose, la révèle.

Titre célèbre : *Le Cœur révélateur,* nouvelle d’Edgar Poe (1843)» [22].

Добавление нового значения и пометы «titre célèbre» сигнализирует о фиксации нового смысла, пришедшего из иностранной художественной литературы.

Это наблюдение позволяет утверждать, что *telltale* является переводческим эквивалентом *révélateur* на современном этапе. Наблюдается явление воздействия перевода на язык, поскольку перевод названия рассказа Э. По на французский сыграл важную роль в лексикографии и ознаменовал закрепление прилагательного *révélateur* в качестве эквивалента *tell-tale*, что можно назвать влиянием литературного перевода на развитие лексической нормы.

При исследовании значений однокоренных лексем интерес представляет сильная связь с религиозным, о чем свидетельствует специальная помета «marque de domaine: religion» в определениях в Dictionnaire de l'Académie française 9e édition:

«RÉVÉLER 1. Marque de domaine : religion. En parlant de Dieu, faire connaître à l’homme des vérités de foi en se manifestant à lui, directement ou par l’intermédiaire de messagers. *Dieu a révélé son dessein de salut aux prophètes. La parole d’Allah fut révélée à Mahomet sous la dictée de l’ange Gabriel.* Pron. *Dieu se révéla à Moïse dans le buisson ardent. Le Père se révéla en son fils Jésus-Christ*.»

«RÉVÉLATION 1. Marque de domaine : religion. Initiative par laquelle Dieu se rend par lui-même manifeste aux hommes, soit par ses œuvres et le monde créé, soit par ses paroles écrites, comme dans la Bible et le Coran, ou non écrites et transmises par la tradition ; par métonymie, ces paroles telles qu’elles sont contenues dans les livres sacrés ou transmises par la tradition» [22].

В результате анализа словарных дефиниций можно выделить ряд сем: раскрытие, истина, знание, верование, божественное.

Анализ эпидигматических связей в переводе на русский

В качестве источника для анализа русских переводных соответствий были использованы англо-русские словари В.К. Мюллера [15] и Ю.Д. Апресяна [16], носящие статус традиционно используемых в русской переводческой практике, отражающих нормативные переводческие соответствия. Среди прямых словарных эквивалентов соответствие *обличитель* отсутствует, представляя собой продукт интерпретации переводчика с привлечением функционально-

стилистической адаптации, способным вызывать у русскоязычного читателя определенную реакцию, которая возникает за счет фоновых знаний и ценностных установок. Доказательством этому являются словарные определения слова «обличитель»:

«ОБЛИЧИТЕЛЬ, -я, м. Человек, который, считая кого-л. виновным в чем-л., осуждает за что-л., обвиняет в чем-л.» [13].

«ОБЛИЧИТЕЛЬ, -я; м. Тот, кто обличает кого-, что-л.» [14].

«ОБЛИЧИТЬ, -чу, -чишь; обличённый; -чён, -чена, -чено; св. кого-что. Вскрыть зло, неправду и т.п., осуждая, разоблачая их» (Там же).

Согласно «Православной энциклопедии» на портале Азбука Веры, «Обличе́ние (обличить – сорвать, снять маску или личину) – уличение кого-либо, чего-либо (например, человека, коллектива, общества, народа) в виновности/греховности/неправоте и т. п. <…> Обличение человеческих пороков – одна из основных тем Священного Писания. Пророческие книги содержат множество примеров обличения Богом через Своих пророков отдельных людей и целых обществ. Целью обличения является обнаружение зла и исправление грешников» [18].

Таким образом, выделяется ряд инвариантных сем, регулярно воспроизводящихся в значении: вина, зло, разоблачение, осуждение. Они придают лексеме экспрессивно-нравственную окраску, актуализируя в сознании носителя такие понятия, как истина, справедливость, борьба со злом; связь с темами Священного Писания актуализирует религиозный подтекст, добавляя в список такие семы, как грех, наказание. Переводчик создал культурно адекватный эквивалент, активизируя эмоционально-ценностные импликации в сознании носителя языка перевода.

Определение статуса лингвокультуремы

Лингвокультуремный статус лексемы «сердце» в названии рассказа определяется конкретным лексико-синтаксическим окружением, возникшим в процессе перевода. Данное окружение актуализирует скрытые культурные смыслы, в результате чего универсальный образ сердца приобретает статус лингвокультуремы. Это наблюдение подтверждает, что принадлежность к лингвокультуремам может быть задана не изолированно, а проявляется в результате взаимодействия с окружающими элементами текста, что позволяет говорить о том, что лингвокультурема контекстуальна, так «наличие дифференциальных культуроносных сем позволяет считать лексемы… лингвокультуремами» [7, с. 137].

Сопоставление оригинального названия («The Tell-Tale Heart») и его переводов на французский («Le Cœur Révélateur» в переводе Ш. Бодлера) и русский («Сердце-обличитель» в переводе Д.Л. Михаловского) языки демонстрирует «асимметрию значений», обусловленную не только лексическими средствами, но и особенностями восприятия и интерпретации культурного символа. Переводчики прибегают к «межкультурной адаптации через доместикацию» [7, с. 138], подстраивая название под ожидания и ассоциации адресата.

Э. По, вероятно, опирается на существующее в языке словосочетание *tell-tale clock* и, заменяя *clock* на *heart*, создает совершенно новый образ, поскольку семантика слов *heart* и *tell-tale* порождает иной смысл. Наблюдается тонкая игра слов, сочетающая сравнение сердца с устройством, фиксирующим нарушение, индикатором, который выдает преступника, являясь местом нахождения его совести, моральных устоев и одновременно с ябедой, доносчиком, который назло раскрывает тайну. Особенно доказательна мысль при акцентировании внимания на факте повествования от первого лица: рассказчик признается в содеянном, но, кажется, не испытывает вину – винит сердце старика, которое его предательски разоблачило перед полицейскими. Поскольку сердце мертвого человека не бьется, читатель приходит к выводу о том, что разоблачило преступника его собственное сердце, которое как центр истинного знания способно отличать добро от зла. Сердце «сработало» как индикатор преступления – заколотилось, словно сигнализируя об обнаруженном преступлении, ведь сердце отвечает за моральную составляющую в любой культуре. К этому умозаключению читатель приходит самостоятельно, поскольку самим автором в названии «The Tell-Tale Heart» таких морально-этических смыслов заложено не было. Сердце описано прилагательным с налетом пейоративного значения для демонстрации восприятия им героя, в то время как французский и русский переводы демонстрируют восприятие образа сердца читателем. В оригинальном названии прилагательное на первый взгляд дает идею о предательстве, совершенном сердцем старика, которое подвело преступника, «выдав» его. Красной линией в рассказе проходит образ времени, биение сердца сравнивается со звуком тиканья часов, обернутых в вату: «sound such as a watch makes when enveloped in cotton» − в языковой картине мира англо-говорящих существует концептуальная метафора [11, с. 7] сердце – это часы: «ticker» [23] (часы с маятником) – эвфемизм сердца.

Культурная отсылка на устройство – табельные часы (*tell-tale clock*) – не передана ни во французском, ни в русском переводах, акцент переносится на моральный аспект, встраивающийся в религиозно-философскую парадигму культуры. Французский перевод названия демонстрирует восприятие сердца как продолжение божьей воли, оно знает истину и открывает ее своему обладателю, являет себя подобно Богу. Русский перевод демонстрирует идею разоблачения греха и преступления: здесь сердце представлено в образе праведника, живущего по божьим законам, и судьи, карающем за их несоблюдение, что соответствует идеям православия. Такой образ сердца закреплен во фразеологизме: *сердце вещун: чует добро и худо* [12].

Как и во французском переводе, заметна явная связь с религией, однако русское сердце обличает с целью наказания за грех, в то время как во французском образе прослеживается идея о том, что в сердце каждого человека живет воля Бога. Французский ученый и философ Блез Паскаль размышляет о сердце следующим образом: «C'est le cœur qui sent Dieu et non la raison»[2]. Образ сердца, способного постичь Бога, в отличие от разума сочетается с идеей рассказа Э. По,

[2] Pensees de Pascal sur la religion et sur quelques autres sujets (ed. de Port-Royal). 2-me ed. P., 1670.

в котором преступник сознается в содеянном вопреки разуму по воле сердца. Справедливо замечание о том, что «лексика религиозной тематики обладает наиболее высокой степенью этической нагрузки» [2, с. 32].

Согласно статье в интернет-газете «Мирт», «в 1860 году Достоевский прочитал французские переводы рассказов Эдгара По, среди которых был и “Сердце-обличитель”. Они настолько поразили его, что он публикует рассказы на русском языке в первом номере журнала “Время”» [17]. Примечательно, что Ф.М. Достоевский познакомился с рассказом во французском переводе, что объясняет религиозную составляющую, связывающую русский и французский переводы. Именно такая семантика французского слова, выбранного для перевода названия, располагает читателя к прочтению с мыслью о раскаянии, угрызении совести.

Использование нейросетевой модели как способа пополнения «лингвотрадуктемной капсулы»

На русском языке рассказ выходил также и под альтернативными названиями: «Сердце-предатель» – перевод Н.В. Шелгунова, «Сумасшедший убийца» – анонимный перевод в журнале «Ребус», август 1883, № 30, «Сердце-изобличитель» – перевод К.Д. Бальмонта. Это указывает на высокую степень семантической неопределенности, что стало основанием для проведения экспериментальной проверки возможностей генеративной языковой модели.

Согласно Г.В. Овчинниковой, «лингвотрадуктема – это бинарная единица, которая включает лингвокультурему исходного языка, с одной стороны, и ее иноязычные соответствия в других лингвокультурах, с другой стороны» [7, с. 136], при этом «лингвотрадуктемная капсула – это открытая система, которая пополняется вариантами перевода, выполненными разными переводчиками и их машинными помощниками» [9, с. 185]. Такое понимание позволяет рассматривать переводные версии названия рассказа Э. По «The Tell-Tale Heart» как совокупность культурно маркированных реализаций одного и того же концепта.

В данном исследовании была проведена экспериментальная проверка возможностей нейросетевой модели GPT-4o с целью выявления лингвокультурных акцентов, которые модель интерпретирует автоматически. В качестве задания модели были предложены следующие установки: перевести «The Tell-Tale Heart» на французский и русский языки и предложить варианты перевода названия с учетом художественного контекста.

Результаты генерации перевода на французский и русский языки:

Le Cœur Révélateur; *Le Cœur dénonciateur*; *Le Cœur qui trahit*; *Le Cœur accusateur*; *Le Cœur bavard*; *Le Cœur indicateur*.

Сердце-обличитель; *Разоблачительное сердце*; *Сердце-предатель*; *Сердце, выдающее тайну*; *Говорящее сердце*; *Сердце-ябеда*; *Сердце-предвестник*.

Модель способна воспроизводить как реально существующие варианты, так и экспериментальные формы. Примечательно, что модель выдает как нейтральные, так и эмоционально окрашенные варианты: на французском с пейоративной составляющей было предложено *Le Cœur dénonciateur*, что стилистически сближает его с оригиналом, в русском − *Сердце-ябеда*. Модель демонстрирует способность учитывать пейоративные и разговорные оттенки, присущие единице *tell-tale* в английской языковой картине мира.

Французские варианты преимущественно грамматически схожи с традиционным переводом, это подтверждает частотность суффикса *-teur* (*Le Cœur dénonciateur, Le Cœur accusateur, Le Cœur indicateur*) Также модель допускает изменение синтаксической связи (*Le Cœur qui trahit*). На русском языке модель выдает варианты, как соответствующие грамматике оригинального языка, то есть по аналогии с формой The Tell-Tale Heart *прил. + сущ.* (*Разоблачительное сердце, Говорящее сердце*), так и с изменением синтаксической связи (*Сердце, выдающее тайну*), однако преобладают формы, соответствующие грамматике русского общепринятого переводного названия «Сердце-обличитель» с формой *сущ.-сущ.* (*Сердце-предатель, Сердце-ябеда, Сердце-предвестник*).

Вариант *Le Cœur indicateur* вызывает интерес, поскольку во французском *indicateur* используется для обозначения механического прибора, устройства, что впервые реализует метафору оригинального названия, также *indicateur* может обозначать доносчика, осведомителя, что придает семантическую глубину. Этот вариант ближе всего к оригинальной амбивалентности названия рассказа. Модель не предложила русских вариантов, включающих метафору времени, часов, механизма, что может свидетельствовать о неполной интерпретации культурного контекста.

Наименее релевантным на французском языке можно считать вариант *Le Cœur bavard*, в котором не содержится сем обвинения, предательства, раскрытия тайны критически важных для перевода. На русском языке – сочетание *Разоблачительное сердце* выглядит наименее естественным, *Говорящее сердце* вызывает нежелательное семантическое смещение в сторону эмоциональной открытости, вариант *Сердце-предвестник* смещает акцент на предупреждение, что не соответствует идее рассказа.

Несомненно, возможности нейросетевой модели относительно лингвистических трансформаций широки, однако выбор конечного перевода требует культурной компетенции и понимания авторского замысла, в чем проявляется ограниченность автоматического перевода, «остро встает проблема экологии исходного текста и гигиены переводного текста» [9, с. 185].

Результаты

В процессе межъязыковой переводческой адаптации *сердце* превращается в контекстно-обусловленную лингвокультурему, чья семантика в различных лингвокультурах трансформируется под влиянием культурно-ценностных доминант. Перевод является актом культурной интерпретации, зависящей от ценностных ориентиров и менталитета переводчика. Название рассказа Э. По «The Tell-Tale Heart» представляет собой сложный лингвокультурный конструкт. Его ключевая особенность − окказиональное сочетание универсального символа с многозначным

прилагательным. Сама по себе лексема «сердце» является культурной константой, однако в переводах она обрастает уникальными дифференциальными семами за счет выбранного эпитета, активизирующего различные пласты национального сознания. Таким образом, лингвокультурема формируется не изолированно, а в системе эпидигматических связей внутри названия. Анализ выявил асимметричную культурную адаптацию при переводе: французский вариант «Le Cœur Révélateur» смещает акцент в религиозно-философскую плоскость, сема раскрытия истины (révélateur), связанная с божественным откровением, формирует образ сердца как внутреннего гласа Бога, носителя высшего знания и истины, что коррелирует с французской философской традицией. Русский вариант «Сердце-обличитель» актуализирует морально-этический и социальный дискурс; семы разоблачения, обвинения и осуждения, присущие слову «обличитель», встраивают образ сердца в парадигму правды, справедливости и суда, что соответствует традициям русской классической литературы с ее обостренным вниманием к вопросам совести и вины. Оба перевода, в отличие от оригинала, утрачивают важную составляющую (связь с tell-tale clock), но компенсируют это усилением нравственно-философского звучания: переводчики жертвуют одной культурной аллюзией для обеспечения более органичного восприятия центрального образа в рамках своей лингвокультуры. Эксперимент с нейросетевой моделью подтвердил богатство возможных эпидигматических связей для передачи исходного смысла. Моделью были сгенерированы варианты близкие к традиционным, а также предложены новые, частично восстанавливающие техническую метафору. Однако ее неспособность самостоятельно выбрать культурно адекватный эквивалент и наличие стилистически неудачных вариантов подчеркивают решающую роль культурной компетенции и интенции переводчика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баско, Н. В. Фразеологизмы как средство лингвистического обеспечения межкультурной коммуникации / Н. В. Баско. – Москва : ИИУ МГОУ, 2016. – С. 38–44.

2. Дмитриева, Н. М. Об этическом и религиозном в лексике русского языка / Н. М. Дмитриева // Вестник ОГУ. – 2011. – № 6 – С. 32–37.

3. Егорова, Л. В. И стиху откликается эхо Шекспира: Шаламов и Шекспир. Часть 1 / Л. В. Егорова // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2025. – № 1(36). – С. 52–57. – EDN JBKAAG.

4. Ломакина, О. В. Фразеообразующий потенциал соматизма сердце / cœur / Herz в русском, французском и немецком языках / О. В. Ломакина, Г. В. Овчинникова // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2021. – № 1. – С. 19–28.

5. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В. А. Маслова. – Москва : Академия, 2001. – 208 с.

6. Маслова, В. А. Когнитивный и коммуникативный аспекты художественного текста / В. А. Маслова. – Витебск : Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2014. – 104 с.

7. Овчинникова, Г. В. Асимметрия семного состава в лингвотрадуктеме «гусар – hussard» (на примере французских переводных текстов повести Л. Н. Толстого «Два гусара») / Г. В. Овчинникова // Индоевропейские языки: общелингвистические и методологические аспекты : Материалы научно-практического круглого стола с международным участием (Москва, 01 декабря 2023 г.). – Москва : Государственный университет просвещения, 2024. – С. 135–138.

8. Овчинникова, Г. В. Имплицитность семантики фразеологизмов с компонентами «сердце», «cœur», «cuore», «heart» во французской, итальянской, английской и русской лингвокультурах / Г. В. Овчинникова, В. С. Федченко, А. Д. Погольша. – DOI 10.18384/2224-0209-2025-3-1616 // Российский социально-гуманитарный журнал. – 2025. – № 3. – С. 223–245.

9. Овчинникова, Г. В. Искусственный интеллект и гигиена переводного текста / Г. В. Овчинникова // Язык. Культура. Коммуникация. – 2024. – № 25. – С. 184–186.

10. Федуленкова, Т. Н. Функциональный диапазон фразеологической единицы библейского происхождения (на примере БФЕ Good Samaritan) / Т. Н. Федуленкова. – DOI 10.22250/24107190-2025-11-2-143 // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2025. – Т. 11, № 2. – С. 143–153.

11. Lakoff, G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 1980.

ИСТОЧНИКИ

12. Михельсон, М. И. Большой толково-фразеологический словарь русского языка : в 3 томах / М. И. Михельсон. – Москва : ЭТС, 2005. – URL: https://my-dict.ru/dic/tolkovo-frazeologicheskiy-slovar-mihelsona/964616-serdce-veschun-chuet-dobro-i-hudo. – Текст : электронный (дата обращения: 20.08.2025).

13. Большой толковый словарь русских существительных свыше 15000 имен существительных. Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / [Уральский государственный университет имени А. М. Горького, Проблемная группа «Русский глагол»; автор-составитель: доктор филологических наук Л. Г. Бабенко и др.] ; под общей редакцией профессора Л. Г. Бабенко. – 2-е изд., стер. – Москва : АСТ Пресс ; АСТ-Пресс Книга, 2008 (печ. 2007). – 862, [1] с. – URL: https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C&mode=slovari&dicts[]=50. – Текст : электронный (дата обращения: 20.08.2025).

14. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2000. – 1536 с. – URL: https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%B8%D1%82%D1%8C&mode=slovari&dicts[]=42. – Текст : электронный (дата обращения: 20.08.2025).

15. Мюллер, В. К. Новый англо-русский, русско-английский словарь : словарь / В. К. Мюллер. – Москва : Аделант, 2014. – 512 с. – Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. – URL: https://e.lanbook.com/book/87710 (дата обращения: 20.08.2025).

16. Новый большой англо-русский словарь : Около 250000 слов = New English-Russian dictionary : в 3 томах / Ю. Д. Апресян, Э. М. Медникова, А. В. Петрова [и др.] ; под общим руководством Э. М. Медниковой и Ю. Д. Апресяна. – Москва : Русский язык, 1994. – Т. 3: R–Z. – 824 с.

17. Попов, И. Природа гениальности и обличающее сердце. Культурный код Игоря Попова: Эдгар По и его творчество / И. Попов // Интернет-газета «Мирт». – URL: https://gazeta.mirt.ru/stat-i/tvorchestvo/post-2185/ (дата обращения: 07.04.2026). – Текст : электронный.

18. Православная энциклопедия Азбука Веры : сайт. – URL: https://azbyka.ru/oblichenie (дата обращения: 07.04.2026). – Текст : электронный.

19. Collins English French Electronic Dictionary. – URL: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-french (дата обращения: 20.08.2025). – Text : electronic.

20. Dictionnaire de l'Académie française 6e édition, 1847. – URL: https://archive.org/details/dictionnairedel00acad/page/n19/mode/2up (дата обращения: 20.08.2025). – Text : electronic.

21. Dictionnaire de l'Académie française 8e edition. – URL: https://academie.atilf.fr/8/ (дата обращения: 20.08.2025). Text : electronic.

22. Dictionnaire de l'Académie française 9e edition. – URL: https://www.dictionnaire-academie.fr/9e_edition.html (дата обращения: 20.08.2025). – Text : electronic.

23. How Not to Say What You Mean: a Dictionary of Euphemisms by Holder, Robert W. – URL: https://archive.org/details/HowNotToSayWhatYouMeanADictionaryOfEuphemisms/page/54/mode/2up (дата обращения: 20.08.2025). – Text : electronic.

24. Longman Dictionary of Contemporary English. – URL: https://www.ldoceonline.com (дата обращения: 20.08.2025). – Text : electronic.

25. Masson, Gustave. A Compendious Dictionary of French Language : (French-English: English-French) Adapted from the Dictionaries of Prof. Alfred Elwall. New ed, Macmillan, 1880 / Gustave Masson. – URL: https://archive.org/details/compendiousdicti00massuoft/page/n3/mode/2up (дата обращения: 20.08.2025). – Text : electronic.

26. Oxford English dictionary. – URL: https://www.oed.com/?tl=true (дата обращения: 20.08.2025). – Text : electronic.

27. Smith, L. (1880). The international English and French dictionary. New ed... / L. Smith, H. (Henry) Hamilton. – Boston: Schoenhoff. – URL: https://archive.org/details/internationaleng00smituoft (дата обращения: 20.08.2025). – Text : electronic.

28. Webster, Noah An American Dictionary of the English Language. – New York : S. Converse, 1828. – URL: https://archive.org/details/americandictiona01websrich/mode/2up (дата обращения: 10.03.2026). – Text : electronic.

29. WordReference Random House Unabridged Dictionary of American English – URL: https://www.wordreference.com/definition/ (дата обращения: 20.08.2025). – Text : electronic.

V.S. Fedchenko

EPIDIGMATIC CONNECTIONS OF A LINGUACULTUREME IN THE TRANSLATIONS OF THE TITLE OF E. POE'S STORY “THE TELL-TALE HEART”

The specifics of the interpretation and transformation of the lexeme “heart” in the process of translation are revealed: the universal image acquires the status of a linguocultureme through unique epidigmatic connections. A neural network is being used as an experiment.

Linguocultureme, artistic translation, comparative analysis, linguotraducteme, intercultural communication.